

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ «ВНЕЗАПНОГО» УЛИЧНОГО АКТИВИЗМА (РОССИЙСКИЕ МИТИНГИ И УЛИЧНЫЕ ЛАГЕРЯ, ДЕКАБРЬ 2011 – ИЮНЬ 2012)¹

Александр Бикбов

Александр Бикбов – ассоциированный сотрудник Центра Мориса Хальбвакса (Париж). Адрес для переписки: Centre Maurice Halbwachs, École Normale Supérieure, 48, boulevard Jourdan, 75014, Paris, France. abikbov@gmail.com.

Ключевые слова: Россия, общественные движения, протест, выборы, мобилизация, интервью, движение «Оккупай», СМИ, социальная структура, политическое представительство

Массовое уличное движение, начавшееся сразу после парламентских выборов 4 декабря 2011 года, стало непредсказуемым и эйфорическим опытом как для его непосредственных участников, так и для исследователей. Переживание, объединившее демонстрантов, среди которых были сверхпредставлены обладатели высшего образования², отсылало сразу к обоим измерениям этого опыта – коллективному и индивидуальному: «*Был на митинге. Потрясающее ощущение. Сто тысяч, не меньше!*» (Москва, 24 декабря, м., ок. 45 лет, в/о, историк). Характерная детализация этого опыта свидетельствовала об обретении если не нового коллективного тела, то нового лица, отраженного в нюансированном множестве своих подобий: «*Приехала с митинга... Самое главное ощущение: какие прекрасные лица людей! Одухотворенные, веселые*»³. «Прекрасные лица», запечатленные профессиональными журналистами и спонтанными хроникерами, удостоверили отказ тысяч образованных участников от скептического одиночества и быстро

¹ Статья сопровождается фотографиями, которые были сделаны автором на уличных акциях в Москве.

² Высокая доля участников с высшим образованием, колеблющаяся вокруг 75 процентов, – одна из немногих характеристик, в которой сходятся исследования, проводившиеся как независимыми группами, включая НИИ митингов, так и крупными опросными компаниями (Левада-Центр, ВЦИОМ).

³ Блог научного обозревателя аналитического и новостного портала «Polit.ru» (Демина 2011).

превратились в мем, получивший хождение и у сторонников (повторяющих его с восторгом), и у противников перевыборов (говоривших с сарказмом). Однако до начала любых исследований, как, впрочем, и по мере аккумуляции данных, массовая ненасильственная мобилизация оставалась настоящей интригой. Главный вопрос декабря, в равной мере объективировавший социологическую и политическую привлекательность нового феномена: кто и почему вышел на улицу?

Рис. 1. Лужков мост – один из секторов массового митинга в Москве, 10.12.2011

ИЗУЧЕНИЕ МИТИНГОВ: МЕЖДУ ИССЛЕДОВАНИЕМ И АКТИВИЗМОМ

Независимая исследовательская инициатива (НИИ митингов) – самоуправляемая группа, объединившая исследователей и спонтанных активистов, – стала попыткой удовлетворить этот основополагающий интерес. Начало инициативе было положено на форуме «Политика без посредников» (18 декабря 2012 года), цель которого заключалась в обсуждении практик прямой демократии и формировании рабочих групп по подготовке к митингу 24 декабря. Рабочая группа по изучению ближайшего митинга в дальнейшем складывалась уже за пределами форума, во взаимодействиях сети участников, преимущественно лично знакомых друг с другом, но не всегда принадлежащих к одной профессиональной или образовательной среде. В результате на больших митингах декабря 2011-го – марта 2012 года, помимо социологов (исследователей, студентов и аспирантов), в интервьюировании принимали участие художник, философы, филолог, менеджер, психолог, инженер, ракетостроитель. Всего на девяти протестных⁴ и четырех про-

⁴ Речь идет о семи больших митингах/шествиях (включая первомайские), часть которых в разные дни проходила одновременно в Москве, Петербурге, Ижевске, Саратове, Париже, и о двух шествиях в Петербурге, на каждом из которых было собрано от десяти до более ста интервью.

властных, или «антиоранжевых», митингах⁵ (с 24 декабря 2011-го по 12 июня 2012 года), а также в уличных лагерях «оккупай» (с 7 мая до начала июля 2012 года) НИИ митингов собрала около 500 индивидуальных и групповых (чаще парных) интервью, продолжительностью от 90 секунд до 90 минут⁶.

С самого начала исследовательский интерес был сфокусирован на наименее политизированных (а потому наименее «прозрачных» в своих мотивах и траекториях) участниках митингов. Группа сознательно дистанцировалась от изучения действий и мотивов политических активистов со стажем и тех медийных фигур, которые были быстро превращены журналистами-интерпретаторами в символических и политических представителей массового движения. Исследовательское невнимание к этим фигурам, как и к центральной сцене митингов, основывалось на том допущении, что некоторые обладатели большого (но не максимального) медийного и политического капитала будут в любом случае участвовать в мобилизации, следуя логике приращения капитала. Появление на авансцене гражданского протеста некоторых фигур, таких как недавний министр, автор детективных романов или ведущая реалити-шоу, несомненно, было неожиданностью, которая внесла свой вклад в специфику мобилизации. Однако нас интересовал прежде всего феномен массового участия в уличных акциях, не свойственного российской политической и общественной динамике в течение последних двадцати лет, то есть на протяжении жизни целого поколения.

Выборка «неизвестных» митингующих во время уличных акций не подчинялась какому-либо специальному алгоритму. Объяснением этому факту отчасти служит методологический скепсис в состоятельности строгих гипотез о генеральной совокупности митинга/шествия/лагеря, чья внутренняя структура представляет собой не просто «черный ящик», а непрозрачную динамическую среду с неизвестными механизмами пространственных распределений (зонирования) и смещений. К этому следует добавить, что сам метод интервью ориентирован не на статистическую репрезентативность или ее иллюзию (в случае массовых уличных акций), а на отнесение смыслов сказанного к объективным характеристикам высказывающегося. Наконец, группа была захвачена активистской логикой не меньше, чем исследовательской – и ситуативный выбор интервьюируемых оставался соблазнительной (и слабо цензурируемой), хотя и специфической возможностью участия в коллективном событии, позволяющей интервьюеру переписывать его, не разрушая смысла события, который объединял его с другими демонстран-

⁵ Помимо двух больших провластных митингов в Лужниках (23 февраля) и на Манежной площади (4 марта), несколько интервью было взято на двух митингах, проведенных организацией «Суть времени» (Сергея Кургина) под лозунгами против «оранжевой революции».

⁶ Приведенные в данном тексте интервью были собраны на разных уличных акциях участниками НИИ митингов. Здесь уместно указать имена тех, кто в разное время принимал участие в сборе и систематизации материалов: Алан Амерханов, Александр Бикбов, Александрина Ваньке, Ксения Винькова, Анна Григорьева, Светлана Ерпылева, Анастасия Кальк, Карин Клеман, Георгий Коновалов, Эльвира Кульчицкая, Павел Митенко, Ольга Николаева, Мария Петрухина, Егор Соколов, Ирина Суркичанова, Арсений Сысоев, Денис Тайлаков, Екатерина Тарновская, Александр Тропин, Александр Фудин, Дарья Шафрина.

тами. Поэтому, в конечном счете, выбор каждого следующего респондента совершался на месте, в пространстве акции, и строился на спонтанно определяемых социальных контрастах: чередовании интервью с мужчинами и женщинами, людьми пожилыми и молодыми, модно и бедно одетыми, одиночками и парами, фланерами и «заведенными», участниками с периферии и из центра шествия, с плакатами и без, под политическими флагами, с белыми лентами или без какой-либо символики и т.д.

Рис. 2. Группы с плакатами, стилистика которых была предзадана интернет-форумами, на условной периферии большого московского митинга, 10.12.2011

Первоначальная версия списка обязательных вопросов к митингующим была ограничена пятью пунктами, где в равной мере были представлены исследовательский и активистский интересы:

1. Что Вы ждете от митинга?
2. С чем Вы связываете изменения в стране?
3. Какое у Вас образование и текущий род занятий / профессия?
4. Чем Вы занимаетесь помимо работы и семьи? Вы прежде участвовали в каких-то малых инициативах или общественных движениях?
5. Что можете сделать Вы лично, чтобы изменить ситуацию в стране?⁷

Семь дополнительных вопросов были в большей мере ориентированы на исследовательские задачи: источники информации о митинге, участие в предшествующих уличных акциях, представления о ключевых социальных проблемах. Обоснование задач, стоящих за списком, отражает тот же одновременно исследовательский и активистский интересы: «1) узнать минимально необходимую информацию о самом от-

⁷ Письмо автора потенциальным участникам исследовательской группы (19.12.2011). Список вопросов с пояснениями также распространялся через рассылки и социальные сети с предложением ко всем заинтересованным провести самостоятельное исследование.

вечающем – из какой позиции он отвечает; 2) дать ему или ей возможность сформулировать то не очень ясное пока ощущение, которое привело его/ее на митинг; 3) заставить задуматься о своем личном вкладе в изменения»⁸.

Из гида интервью был с самого начала исключен наиболее «соблазнительный» вопрос: «Почему Вы пришли на митинг?», – предполагающий, что мотивы участника прозрачны для него самого. В насыщенном поле медийных трансляций и интерпретаций вероятность получить ответы о мотивах, совпадающие с номинальной повесткой митингов («перевыборы», «честная власть»), была далеко не гипотетической. Верность этого предположения, как и отказа от самого вопроса, была многократно подтверждена ответами об ожиданиях от митинга. Они могли не только отсылать к номинальной повестке или медийным сюжетам, de facto представляя собой ответы на какие-то другие вопросы, но и нередко демонстрировали высокую степень неопределенности мотивов и ожиданий, даже при объяснении собственного участия: «Ну... *честно говоря, я жду продолжения*» (Москва, 24 декабря, м., ок. 25 лет, в/о, кабельщик); «*По большому счету, я вообще ничего не жду, к сожалению. А еще, по самому большому счету, я мечтаю о волшебстве, которое что-то изменит*» (Париж, 24 декабря, ж., ок. 45 лет, в/о, художник-график). Более распространенные ответы содержали глобальные ожидания, столь же неочевидно соотносимые с любой практикой перемен: «*Что люди наконец-то проснутся и почувствуют, что их слово что-то значит*» (ж., ок. 40 лет, в/о, управляющая проектами); «*Что власть будет как-то реагировать [...]. Не нужно голосовать за новых людей, потому что надо голосовать за старых, которые уже себе карманы набили и могут подумать о народе и о делах*» (м., 40–50 лет, биолог); «*Услышать голос народа. Народ прав, выборы у нас украли, и страна нуждается в выздоровлении*» (м., 80 лет, инженер-проектировщик)⁹.

Подобные ожидания от митинга могли быть связаны не только с общим неудовольствием, «глухотой» и коррумпированностью властей, но также и с эмоционально переживаемым личным свидетельством властной механики:

Хочется, чтобы более справедливо было в стране, потому что то, что сейчас происходит... Я просто была наблюдателем, и в некоторых местах – они просто берут и кидают. Им платят за это деньги. Понятное дело, люди бедные у нас – но надо, чтобы они за деньги не были готовы продать свою душу (Москва, 24 декабря, ж., ок. 35 лет, два в/о, участник общественного объединения)¹⁰.

Решающее присутствие «других»: «людей» («народа»), которые должны «почувствовать» и «проснуться», и «власти», которая должна «услышать» и даже «испугаться», – в индивидуальных ожиданиях от конкретного митинга достаточно ясно характеризовало проблематичность его проектного измерения для самих участников.

⁸ Из того же письма.

⁹ Все эти цитаты – из интервью, взятых участниками НИИ митингов в Москве 24 декабря 2011 года.

¹⁰ Имеет смысл уточнить, что приведенные фрагменты интервью отражают довольно типичную для корпуса полученных ответов реакцию на вопрос: «Что вы ждете от (этого) митинга?»

Значительную часть материала, собранного на митинге 24 декабря, составляли интервью продолжительностью от полутора до пяти минут: они были подчинены задаче составить первоначальное представление о митингующих¹¹. К следующим митингам гид интервью был расширен. В него были введены вопросы о чувстве социальной принадлежности, об изменении материального положения за последние годы, о социальной чувствительности (поддержка малоимущих, льготы предпринимателям), позже – об отношении к миграции, политических предпочтениях, дальнейших действиях, оценке возможной радикализации движения, и ряд других. Вследствие этого, к маю интервью с отдельными респондентами продолжались в среднем от 10 до 45 минут, позволяя получить более подробную информацию о социальных/политических предрасположенностях и биографических обстоятельствах. Это не всегда позволяло точно ответить на вопросы «как?» или «почему?», относящиеся к акту выхода на улицу, но предоставляло более полную картину значимых сопутствующих обстоятельств, таких как представление о социальной структуре или спонтанная социальная повестка, – которые по мере проведения новых митингов приобретали все большую познавательную ценность. В частности, именно эти вопросы позволили убедиться, что абсолютное меньшинство интервьюируемых определяет себя как «средний класс», а из принявших такое самоопределение редко кто избегает оговорки: «Ну, наверное, чисто теоретически мы, скорее всего, средний класс» (Москва, 24 декабря, ж., ок. 55 лет, в/о, переводчик)¹². Эти же вопросы позволили обнаружить, что митинги, объединяющие противников коррумпированной власти, не ведут к гармонизации их социальных предрасположенностей/чувствительности и не проблематизируют, например, соседства сторонников социального государства с теми, кто желает бедным: «Да пускай они сдохнут под забором!» (Бикбов 2012а).

Рис. 3. Растяжка «Окружим власть заботой» – прямой ответ на оскорбительные высказывания премьер-министра в адрес митингующих (4.02.2012, Москва)

¹¹ На этом митинге было собрано более ста интервью.

¹² Подробнее о фиктивности понятия «средний класс» как основной мобилизованной категории этих митингов см.: Бикбов 2012б; Силаев 2012; Бикбов 2012.

Активистское измерение НИИ митингов, остающееся предметом дискуссий в группе, позволило обнаружить, что интервью в пространстве уличных акций, сфокусированные в том числе на актуальных темах и переживаниях, «естественным образом» приобретают коммуникативную и терапевтическую функции. Особенно явной эти функции делало наличие доминирующей центральной сцены и разреженной коммуникации между мобилизованными участниками¹³. Этот эффект был сознательно усилен группой, когда на третьем большом митинге в Москве и Петербурге интервьюеры распространяли коллективную брошюру, основанную на подборке цитат из интервью с митингующими и на собственных наблюдениях исследователей-как-участников (Независимая исследовательская инициатива 2012). К митингу после президентских выборов 10 марта 2012 года была сделана листовка, которая предлагала участникам заговаривать между собой и обсуждать те же вопросы, что были положены в основу гайда интервью. Вместе с логикой изучения-вовлеченности, реализованной в интервью на митинге, эти тактические ходы представляли собой тип ангажированного включения/дистанции, отличный, например, как от дистанцированного сочувствия исследователя целям исследуемой социальной мобилизации, так и от постоянной в нее вовлеченности в роли рядового активиста. Активистские действия, коллективно реализованные НИИ митингов, в первую очередь отвечали задачам *empowerment*'а митингующих перед лицом самоназначенных политических представителей, которые на протяжении мобилизации господствовали на сцене акций и в СМИ, и *consciousness raising* митингующих по вопросам социальной повестки и прямой демократии.

ИНТЕРВЬЮ НА УЛИЧНОЙ АКЦИИ: СТАТУС ДАННЫХ

Отдельного рассмотрения заслуживает выбор места и времени проведения интервью – на улице, непосредственно в ходе событий. Технические обстоятельства этого выбора имели вполне отчетливые следствия для корпуса полученных данных: 25-градусный мороз в декабре–феврале, так же ограничивающий длительность интервью, как и желание участников и интервьюеров по возможности больше увидеть и услышать на первых митингах; невозможность делать пометки с характеристиками интервьюируемых в блокноте; беседы, прерываемые приближением полицейского оцепления (на акциях в мае), и, как следствие, прекращение интервью; необходимость сохранять достаточно большое расстояние от центральной сцены, чтобы звук ее динамиков не перекрывал голос собеседника на записи, что смещало спонтанную выборку к периферии митингов.

¹³ На митинге 10 марта в Москве примерно на полпути между периферией и центральной сценой в течение получаса я задавал вопрос: «Вы заговариваете, общаетесь на митинге с незнакомыми участниками?». Среди примерно тридцати собеседников утвердительно ответили пятеро. Логично допустить, что по мере приближения к сцене эта доля становилась бы еще меньше. Интервью мая–июня в Москве также подтверждают тот факт, что для большинства респондентов из числа местных жителей митинги (в отличие от уличных лагерей) не стали местом приобретения новых знакомств и связей.

Рис. 4. Дружеские группы и пары с белой символикой протеста на условной периферии митинга в Москве 10.12.2011

Помимо этих важных технических моментов, сказывающихся на характере данных, появление исследователя на уличной акции ставит отдельный вопрос о пакте, в который он негласно вступает с собеседниками как участник с участниками. Каков содержательный статус высказываний, полученных непосредственно в ходе событий? Упомянутая эйфория и предельная открытость участников протестных акций, характерная не только для первых митингов в декабре, почти снимает вопрос об уходе респондентов от ответов¹⁴ или их подозрениях в злонамеренности (провокативности) задач интервью. Большинству собеседников была свойственна готовность объяснять исследователю происходящее, собственное участие, что, помимо прочего, позволяло им снизить неопределенность, неустранимую из оптики предшествующих двадцати лет, без массовой уличной политики и при непрерывной официальной и обыденной стигматизации любого критического/протестного активизма. Помимо этого, недостаточная артикулированность целого ряда «больших» социальных и политических тем в публичных дебатах последнего десятилетия, равно как и слабость местных (районных, городских) сетей коммуникации и солидарности, не способствовали формированию общедоступного корпуса политических очевидностей, за исключением одной («Наше мнение ни на что не влияет»), которая и была опровергнута фактом массовой гражданской мобилизации. Одним из ведущих ожиданий от своего участия, о котором на всех протестных митингах сообщали разные респонденты, было: «...чтобы власть, наконец, прислушалась»¹⁵.

¹⁴ Вероятно, единственным заметным исключением были представители националистических организаций, регулярно отвечавшие «не на те» вопросы или обрывавшие диалог.

¹⁵ Любопытно соотнести это желание с контекстом понятия «политического отчуждения»,

Рис. 5. Символика локального представительства на московском митинге 4.02.2012

Можно предположить, что по совокупности именно этих обстоятельств в ответных репликах интервьюируемых почти никогда не встречались нетерпеливые отсылки к очевидности событий, в духе «ну Вы же сами понимаете!». Даже предельно медиатизированные формулы респонденты воспроизводили без изъятий и сокращений: «Я пришел сюда выразить свою гражданскую позицию. Потому как я считаю нелегитимными ни выборы, ни нынешнюю власть» (Москва, 4 февраля, м., ок. 25 лет, в/о, работник маркетинговой фирмы); «В первую очередь нужно изменить систему управления, при которой один человек может делать все, что угодно» (Москва, 4 февраля, м., ок. 35 лет, в/о, малый предприниматель). В этом отношении участие в митингах становилось для них не столько ясным политическим жестом, сколько познавательным актом, которому интервью прибавляло интенсивности: смысл собственного присутствия на митинге определялся не до выхода на улицу, а в его процессе.

Неординарный опыт мобилизации во многом дебанализировал высказывания участников о переживаемом, но он также существенно затруднял локализацию митингующих вне мест событий. В существующей исследовательской литературе об общественных движениях трудно найти систематическое обсуждение такой связанной с этим и, на первый взгляд, технической дилеммы, как интервью во время/после событий¹⁶. Как и многие другие исследователи, авторы представи-

которое эмпирически разрабатывалось в американской и британской политической социологии конца 1950-х – 1960-х годов (Gamson 1961; Parkin 1968; Thompson and Horton 1960). Согласно этим исследованиям, именно чувство собственного безвластия и оторванности от принятия решений на местном и национальном уровне могло выступать основным фактором протестного голосования и тематического активизма, которые вели к росту осознания собственного влияния на жизнь общества.

¹⁶ Я хочу выразить благодарность Жюльет Кадио, которая подняла этот вопрос в ходе

тельного французского сборника об общественных движениях (Fillieule 1993) не обсуждают этот вопрос, поскольку в большинстве случаев описываемая ими мобилизация организована профессионально (финансовые инспекторы, медсестры, дальнобойщики) или ассоциативно (движения пацифистов, безработных; тех, кому отказано в политическом убежище). В этих случаях исследователю всегда есть куда прийти за интервью в промежутках между уличными акциями. Особенностью текущего российского протеста является, за редким и не показательным исключением, отсутствие институциональных структур мобилизации, то есть иных мест коллективного действия, помимо самих митингов и уличных лагерей¹⁷. Это превращает интервью во время уличной акции в привилегированную, если не единственную, возможность доступа к обширному и представительному составу участников.

Рис. 6. Участники большого московского митинга 4.02.2012: 25 градусов ниже нуля

Интервью во время акции обладает рядом преимуществ перед последующей реконструкцией событий. Замечание Франчески Полетта на полях ее ретроспек-

дискуссии на упоминавшемся докладе о «внезапном» активизме (Бикбов 2012б).

¹⁷ Исключение составляет движение наблюдателей: наиболее подробные интервью с его участниками проводились как раз до или после митингов (см. заметку Александра Фудина в этом номере с анализом опыта региональных наблюдателей: с. 173–182). Кроме того, часть наблюдателей сознательно дистанцировалась от уличных акций, считая их неподходящей формой изменения общества. Другой рутинизированной структурой мобилизации стало движение муниципальных депутатов. Этим двум формам институционализации протеста, не имеющим прямого отношения к митингам, комплементарны собрания ассоциативного толка ряда групп и оргкомитетов, разнящихся политической окраской и оценкой институционального представительства. Но их ядро, нередко состоящее из традиционных активистов или медийных фигур, было наименее интересно с точки зрения массовой мобилизации – основного предмета исследования НИИ митингов.

тивного исследования американских общественных движений вполне отвечает уже не раз озвученному тезису: «Ретроспективные интервью – всегда коварный источник данных. Воспоминания пропущены через фильтр текущих политических вопросов и ангажированности, оказываясь также отчетливо фрагментированными» (Polletta 2002: 237 – *перевод автора*). Но и в отношении интервью на месте событий возможны схожие методологические вопросы. В академических дискуссиях вопросы, обращенные к практике НИИ митингов, касались, в частности, фрагментированности высказываний, на сей раз обязанной уже не забвению, а интенсивности их непосредственного переживания, и даже «измененного состояния сознания», в котором могли пребывать респонденты, участвующие в многотысячных коллективных акциях. Как можно видеть по приводимым цитатам из интервью, эти допущения не совсем беспочвенны, пусть и не в терминах «измененного сознания». Эйфорическая открытость вряд ли была способна деформировать сообщения интервьюируемых о своей профессии и образовании, однако вполне могла вносить возмущения в логику ответов на вопросы, не служивших предметом предшествующих аргументированных дискуссий.

Последнее, в частности, проявлялось в положительно сверхнагруженных ожиданиях от политических перемен в ближайшей перспективе: *«Чтобы каждый нес ответственность. Чтобы законы работали элементарно, чтобы суды были честными, чтобы армия была сильная, вот... Ну, то есть, чтобы все нормально работало и функционировало»* (Москва, 4 февраля, м., ок. 30 лет, в/о, инженер); в приятии любых тактик и оппонентов в пространстве митингов: *«Здесь как бы весь спектр представлен, и все люди спокойно стоят рядом друг с другом. Это то, как должно быть устроено нормальное общество»* (Москва, 24 декабря, ж., ок. 50 лет, в/о, главный бухгалтер); *«Кто-то идет просто, чтобы высказать свое мнение, кто-то – чтобы спокойно постоять, а кто-то очень радикально к этому относится»* (Москва, 4 февраля, м., 16 лет, студент).

На другом от этой позитивной неразличимости полюсе располагаются уже упомянутые артикулированные формулы повестки митингов и саморефлективная работа памяти, которая указывает на значимые обстоятельства решения участвовать в протесте: *«Где-то летом, наверное, мы поняли, что пора уже. Просто, Навальный, и как бы Чирикова, и вся структура их организации решили это делать и вывели людей на улицу через интернет, через фейсбук. Да, на митинг ПАРНАСа мы ходили [в апреле 2011-го] [...]. Да, и Магнитский, конечно»* (Москва, 24 декабря, м. и ж., ок. 25 лет, в/о, м. – работник компании по созданию сайтов, ж. – нет данных). Здесь же – подробные перечни источников информации о митинге: *«Я слежу в интернете постоянно за этим на «Эхо Москвы», Каспаров.ру, «Грани», в интернете много чего»* (Москва, 24 декабря, м. и ж., ок. 45 лет, в/о, офисный работник и художник).

Таким образом, высказывания участников, интервьюируемых непосредственно на митингах, организованы эмоциональным переживанием единения – на полюсе текущих событий – и нередко ясной и дифференцирующей саморефлексией – на полюсе биографического опыта. Точкой схождения этих полюсов были ответы на вопрос: «Когда/как Вы впервые поняли, что придете на митинг?». Они

демонстрировали крайне интересный эффект переживания митингующими времени протеста и своего в нем участия. Вне зависимости от того, был это первый митинг, в котором участвовали собеседники, ходили ли они на уличные акции последних лет или принимали участие в массовой мобилизации начала 1990-х годов, нередко их реплики начинались словами: «всегда», «давно», «все время хожу», «сразу же», «изначально». Такое переживание времени мобилизации как мгновения-бесконечности, отчасти обязанное эйфорическому кружению, указывает на моментальное принятие демонстрантами роли участников массовых, ненасильственных, законно организованных акций как естественных для себя – то есть на комфортное присвоение ими нового интеллектуального и телесного коллективного опыта¹⁸.

Наконец, третий полюс в корпусе ответов представлен квазиэкспертными суждениями о социальных проблемах (образовании, медицине, налогах), совершая которые, респонденты нередко оговаривали свою недостаточную компетентность или тот факт, что ранее об этом не задумывались. Такие оговорки также являются свидетельством саморефлексии¹⁹, позволяя рассматривать данные реплики как вполне достоверные сообщения о предпочтениях: не ясно артикулированные политические взгляды по ряду социальных вопросов, но спонтанную социальную чувствительность, которая тесно связана с социальной позицией и траекторией респондентов (см., например: Бикбов 2012а).

«ВНЕЗАПНЫЙ» АКТИВИЗМ МЕЖДУ ГНЕВОМ, ИРОНИЕЙ И ЗАКОНОПОСЛУШНОСТЬЮ

Одним из определяющих факторов в проведении российских уличных акций последнего десятилетия, которые до декабря 2011 года традиционно насчитывали от нескольких единиц до нескольких сотен участников, выступает легальный статус акции. Формальный характер этого признака не должен вводить исследователя в заблуждение: он прямо влияет на состав и численность мобилизации. Во внутренней переписке активистов различных тематических инициатив можно встретить указание, что фраза «акция согласована [с мэрией]» в пресс-релизах и

¹⁸ Из числа «аполитичных» наиболее отчетливый контраст этому своеобразному аористу мобилизации создают те участники митингов, кто сожалел о своем неучастии в спонтанных акциях на Чистых прудах, сразу после парламентских выборов, а также сочувствующие партии «Яблоко», последовательно исключаемой из парламентского состязания путем формальных уловок – то есть те, кто внимательнее следит за политическими новостями, образующими собственную временную шкалу.

¹⁹ Следует отметить, что утопический настрой мог определять и эти ответы, в данном случае крайне амбивалентные по своим социальным следствиям: «Неимущих не должно быть у нас в стране. И никогда не было, только когда советская власть установилась, стали все голодать, стали все неимущими, попали в лагеря и прочее, прочее» (Москва, 4 февраля, м., ок. 60 лет, в/о, охранник); «Это десятое дело. Меня это мало волнует» (Москва, 4 февраля, м., ок. 40 лет, в/о, математик). Однако оба этих ответа принадлежат членам националистической колонны. «Аполитичным» участникам митингов были куда чаще свойственны рефлексивные реплики, охарактеризованные выше.

анонсах для социальных сетей – ключевой пригласительный сигнал потенциальным внешним участникам, не желающим «винтиться», то есть быть задержанными полицией. Иными словами, согласованность акции отчасти является гарантией ее многочисленности. Подтверждение тому, что вопрос легальности протеста – не исключительно российская специфика, можно найти, например, в статье «Уличная акция» (*Manifestation*) из французского «Словаря общественных движений», где легальность упомянута первой среди типологических черт протеста (Favre 2009: 342). В целом, общемировая тенденция к ужесточению «антитеррористического» законодательства²⁰, повсеместно используемого также для криминализации общественных движений (см., например: Верховский 2012; Beys and Mitevov 2005; Clarke 2002), превращает законность политических акций в одно из основополагающих условий массового участия.

Рис. 7. Самодельные плакаты московского митинга 10.12.2011 – свидетельство высокого образовательного уровня участников

В этом свете международной типологией, хорошо переносимой и в российский контекст, оказывается практическое деление уличных акций на «законные» (согласованные) и «дикие» (спонтанные)²¹. К согласованным в России относится большинство акций, митингов, коллективных пикетов, проводимых действующими группами, движениями или организациями, которые заранее (за 15 дней до акции) обязаны подавать заявку в местную администрацию. Это техническое, в первом приближении, требование на деле не только фиксирует «ответственных» за развитие уличных событий перед лицом административных и силовых органов, но и представляет собой первый шаг в направлении политического представительства

²⁰ В российском контексте за схожим комплексом законодательных, разведывательных и репрессивных актов закреплено название «антиэкстремистских».

²¹ Это деление принято, в частности, во Франции и Канаде.

ства движений. Данное обстоятельство отчетливо продемонстрировала подготовка митингов в декабре 2011-го – июне 2012 года, когда участие в техническом оргкомитете было неразрывно связано с претензией на политическое представительство демонстраций, влияние на список выступающих со сцены, внимание со стороны СМИ.

К более редким (до недавнего времени – спонтанным) относятся блиц-акции в городском пространстве, реже ориентированные на участие внешней публики и чаще проводимые движениями и группами, подвергающимися критике самой необходимости вступать в формальные разрешительные отношения с государством: анархистами, антифашистами, радикальными экологами, отчасти либертарианцами, а также футбольными фанатами и ультраправыми. Такой акцией было пятнадцатиминутное после- или антивыборное шествие анархистов и неавторитарных левых вечером 4 декабря в центре Москвы с растяжкой «Вас наебали». К тому же типу относится массовый (несколько тысяч человек) сбор футбольных болельщиков и членов националистических групп на Манежной площади в Москве в декабре 2010 года.

Прошедшие в крупных российских городах массовые митинги представляют, с этой точки зрения, третью, отчетливо компромиссную и тем более интересную формулу мобилизации. Если вечером 4 декабря, после парламентских выборов, в центре Москвы прошел спонтанный митинг, ядро которого составили участники политических и общественных движений, то на следующий день, 5 декабря, одной из оппозиционных либеральных организаций («Солидарность») был согласован митинг, куда заявители не только приглашали политических сторонников, но и просили «привести с собой хотя бы пару знакомых» (Янкаускас 2011). Заявка на 300 человек была подана за две недели до выборов с упреждающей критикой их фальсификации, а анонсированный список ораторов включал фигуры из разных сегментов политического спектра²². Информация о митинге как оплаченная реклама транслировалась популярной радиостанцией «Эхо Москвы»²³ и днем 5 декабря была подхвачена рядом лидеров мнений в своих блогах. По разным оценкам, в митинге приняли участие от 2 тысяч (данные ГУВД) до 10 тысяч человек (оценка журналистов «Новой газеты»).

Та же схема с согласованием/спонтанностью была воспроизведена на следующем массовом митинге 10 декабря, заявка на который также подавалась до выборов участниками двух неофициальных организаций – «Солидарность» и «Левый фронт». Акт легализации митинга не только активно обсуждался в социальных сетях и СМИ с 6 декабря, но и стал точкой, в которой произошел перехват политического представительства: московская мэрия вступила в переговоры о новом месте проведения и численности митинга не с его формальными заявителями, а с более известными оппозиционными политиками (в частности, Борисом Немцовым), которые, в свою очередь, объединились в оргкомитет, ведущий переговоры

²² См., в частности, анонс на сайте московского отделения «Солидарности» от 30.11.2011 (Московская солидарность 2011).

²³ Интервью с одним из организаторов митинга, 1 мая 2012 года, Москва.

с властями по всем следующим крупным акциям. В результате митинг 10 декабря, первоначально согласованный с радикальной оппозицией на 300 участников, заявленный на одной из площадей Москвы, был повторно согласован новыми организаторами на 30 тысяч участников, на другой площади. По разным данным, он прошел при участии от 25 тысяч (данные ГУВД) до 80 тысяч человек (информация организаторов). Заявка на митинг 4 февраля в Москве была подана на 15 тысяч человек, притом что, по разным оценкам, на нем присутствовало от 36 тысяч (данные ГУВД) до 120 тысяч участников (информация организаторов).

Рис. 8. Участники митинга 6.05.2012 на пути к рамкам металлоискателей: разнообразие социальных позиций и возрастных групп мобилизации получило незначительное отражение в СМИ, захваченных образом «креативного» и «среднего класса»

Компромиссный статус митингов, между согласованным и спонтанным, представляет особый интерес в двух отношениях. Во-первых, он делает более понятным тип массового активизма, объективированный в этих маневрах и в отклике на стремительное изменение ситуации, измеряемое днями и даже часами. Насколько можно судить по публичным записям в блогах, до 4 декабря медийные и политические фигуры, оказавшиеся впоследствии на авансцене мобилизации, не предвидели и не готовили потенциально «опасного» массового выхода на улицы. Так, подобно некоторым другим представителям этого сектора, один из наиболее известных неофициальных политиков, блогер и борец против коррупции Алексей Навальный²⁴, настаивал в первую очередь на контроле над процедурой выборов и придании публичности нарушениям. По словам некоторых «аполитичных» интервьюируемых и свидетельствам в блогах, такие призывы побудили их включиться в движение наблюдателей на выборах и в волонтерские группы, которые вели виде-

²⁴ В его блоге (navalny.livejournal.com) зарегистрировано 70494 «друзей» (по состоянию на 24.06.2012), что, конечно, не исчерпывает его читательской аудитории.

осъемку нарушителей на улице. Инфраструктурой движения стали тренинги от партий²⁵ и деятельность ассоциаций «Голос», «Гражданин наблюдатель», которую продвигали отдельные СМИ²⁶ и лидеры мнений. Лишь 5 декабря, после публикации результатов выборов и множества видео-свидетельств нарушений, Алексей Навальный призывает к выходу на митинг, уточняя: «Формальным его организатором является «Солидарность», но это сейчас не имеет никакого значения. Нравится она вам или не нравится, надо приходиться. Это касается всех. Националистов, либералов, левых, зеленых, вегетарианцев, марсиан. ПЖиВ украли голоса у всех» (Навальный 2011)²⁷. Схожую логику демонстрирует другой журналист и блогер Сергей Пархоменко, соединяя свое свидетельство наблюдателя с призывом выходить на митинг: «Они – и скот, и погонщики его, – должны однажды увидеть, что мы есть. Когда-то должно стать понятно, что воровать просто так они больше не будут» (Пархоменко 2011). Для них обоих, как и для других будущих членов оргкомитета митингов, массовая мобилизация против «воровства голосов» оказывается такой же непредвиденностью, как и для прочих участников.

В свою очередь, выражение гнева, предъявляемое участниками митингов публично, становится ответом на коммуникативную игру ряда лидеров мнений (журналистов и блогеров), которые первыми взяли на себя ответственность за его публичную демонстрацию, на протяжении нескольких предшествующих месяцев предлагая или воспроизводя эмоционально маркированный и субверсивный язык описания действующего режима: нарушений на выборах как «воровства голосов»; правящей партии как безнаказанных «жуликов», которые «достали»; неуполномоченных действий следствия как «охамевшей прокуратуры»; некорректных упреков партии власти к митингующим – в ответной характеристике «совсем уже с ума посходили со своим баблом» и т.д.²⁸ Когда такой язык гнева и стилистических снижений публично практикуют не представители социально доминируемых групп, а руководители медийных проектов и светские обозреватели, это только усиливает его парадоксально субверсивно-легитимирующий эффект: «Мы стояли 40 минут [...]. Перекрыли въезд на мост. Гниды, блядь, разъездились. Сегодня какая-то капиздия затевается на Малой Дмитровке. Чтоб все дошли. И гнида в первую очередь» (Рынска 2011)²⁹. В этом смысле, когда респонденты сообщают на митингах: *«А вышел я потому, что достало все. Правоохранительных органов у*

²⁵ От партий «Яблоко», КПРФ, «Справедливая Россия», «Правое дело». Как и ассоциативная работа, тренинги гражданских наблюдателей от партий проводятся уже около десяти лет, если не принимать в расчет движение наблюдателей в первой половине 1990-х годов.

²⁶ Наиболее активно из печатных СМИ – «Новой газетой», из сетевых изданий – «Газета.ru», «Slon», «Сноб».

²⁷ Запись собирает 2142 комментария.

²⁸ Некоторые из перечисленных формул взяты из записей одного из наиболее популярных российских блогеров Рустема Адаганова (drugoi.livejournal.com) за сентябрь 2011 – февраль 2012 года. До сентября он придерживался сдержанного и часто «позитивного» языка записей, избегая личных комментариев о российской политической ситуации.

²⁹ Светский обозреватель и блогер, в чьем блоге зарегистрирован 17201 «друг» (по состоянию на 24.06.2011).

нас нет, правого суда у нас нет и государства у нас нет. У нас не пойми что!» (Москва, 24 декабря, м., ок. 60 лет, рабочий ЖКХ) или *«Свинью никак от этого корыта не отгонишь добровольно»* (Москва, 24 декабря, м., ок. 50 лет, в/о, ведущий летных испытаний) и т.д., – они оперируют подтвержденными и публично лицензированными эмоциями.

Рис. 9. Ряд плакатов на московском митинге 6.05.2012 содержал весьма гневные высказывания

Комплементарной публичному гневу стала публичная ирония, чаще демонстрируемая молодыми митингующими – как реакция на действия или высказывания высших государственных лиц и как ответный вклад в абсурд политического порядка. Наиболее ярко эта чувствительность проявилась в игровом характере лозунгов, корпус которых, при всей внешней несерьезности, представлял собой претензию на власть над реальностью (Майофис 2011)³⁰. В соединении иронии и гнева лозунгов можно было наблюдать выход из логики обделенности/жертвы, характерной для более ранних акций профессиональных активистов с участием внешней публики, подобных «Стратегии 31» (Кукулин 2011). Следует добавить, что в значительной мере игровые лозунги также становятся результатом предварительной «тренировки», отвечая образцам некоторых известных интернет-форумов и сообществ: «Очень клеевых»³¹ гэгов были буквально сотни [...]. И 99% из них были яркими и смешными. Вообще иногда казалось, что это не «Митинг за честные выборы», а «Дерти и Лепра атакует Путина»» (Бочарский 2012)³². То есть, как и

³⁰ Обзорное представление о корпусе лозунгов можно получить в блоге-коллекции (slogans10dec.blogspot.com), созданном Михаилом Габовичем.

³¹ Очевидно, опечатка автора записи: речь идет о «клеевых гэгах».

³² «Дерти» и «Лепра» – российские сетевые сообщества dirty.ru и leprosorium.ru с ограниченным членством, известные ироническим обыгрыванием медийных событий, состязаниями в

публично лицензированный гнев, публичная ирония стала хотя бы отчасти безопасным способом протеста, в котором смысл политической критики смещается с «серьезного» и в этом смысле опасного властного означаемого к такой манипуляции с означаемым, которая переносит политическое обращение к оппоненту в пространство состязательного остроумия «между своими»: у кого смешнее получится.

Такой протест между гневом и иронией был наделен предельной амбивалентностью и в отношении институциональных, в том числе оппозиционных, политических сил и фигур. Как и в ситуации относительно массового прихода на участки беспартийных наблюдателей³³, которые вступали в сотрудничество с любыми партиями, готовыми предоставить им необходимый для присутствия на участках легальный статус, митингующие редко выходили на улицу для того, чтобы однозначно поддержать того или иного кандидата. Выбор партии представлял доктринально некритическим в морально критической ситуации: «Ну, я проголосую за Прохорова, как бы, на безрыбье. Но хотелось бы добиться все-таки регистрации независимых кандидатов – прежде всего Алексея Навального... Э-э, что еще я мог бы сделать? Ну, я пойду наблюдателем на президентских выборах. Скорее всего, от "Яблока"» (Москва, 24 февраля, м., ок. 30 лет, журналист).

Суммируя, можно уточнить, что массовый выход на улицы стал не просто неожиданностью для партий, медийных фигур и самих митингующих. Он стал неожиданным для всех участников продолжением коммуникативной игры, которая велась в ином пространстве, зачастую с невидимыми адресатами.

Рис. 10. Обилие профессиональных и любительских камер – отличительная черта всех московских митингов; в данном случае (6.05.2012) они фиксируют оттеснение демонстрантов ОМОНОм

сатирических, в том числе политических фотомонтажах («фотожабах»), разоблачением недобросовестных чиновников, демонстрацией нелепости российской бюрократии и т.д.

³³ Так, по данным, представленным в СМИ, к парламентским выборам 4 декабря 2011 года КПРФ аккредитовала 264 тысячи наблюдателей (Жермелева 2011). По более показательным данным ассоциации «Гражданин наблюдатель», на парламентских выборах от их сети на избирательных участках присутствовало около тысячи наблюдателей, на президентских 4 марта 2012-го – более 10 тысяч (www.nabludatel.org/about/).

Второй, отчасти связанный с предыдущим, момент, заслуживающий особого внимания, – это выраженные мотивы умеренности и законопослушности мобилизации. Наиболее очевидное выражение они находят в формулах «нам не нужна революция» и «я против насилия», которые многократно воспроизводятся в электронных публикациях и в интервью на митингах, среди прочего противопоставляя культурность протеста бескультурной власти³⁴. Иным выражением той же предрасположенности предстает диффузно принятая коллективная позиция участников по вопросу законности митингов. Фиктивность согласования митинга с количеством участников в 300 человек или даже 15 тысяч, при многократно превосходящем числе демонстрантов, предстает менее очевидной проблемой для участия, чем возможное проведение спонтанного митинга или предложенный наиболее радикальными оппозиционерами (в частности, Эдуардом Лимоновым) отказ от любых переговоров с «обманщиками», включая неизбежно задействованную в выборных нарушениях городскую администрацию. Даже зыбкое соответствие митинга закону компенсирует то недоверие и страх, которые вызывают неправовые действия или полностью автономная самоорганизация. Причем участники продолжают обвинять власти в несоблюдении закона и подозревать в вероятном нарушении договоренностей:

Это одна из последних возможностей законно, легально радикально изменить строй и систему. Дальше уже – другие методы и способы (м., 30–40 лет, ср/о, наладчик оборудования).

Ну, мне бы хотелось, чтобы у нас стали уважать закон хоть немножко, вот. Этого и жду [смеется] (ж., ок. 25 лет, художник-аниматор).

Безумная коррупция кругом, ложь везде и неисполнение законов, даже если они приличные, их не выполняет никто и никто не контролирует» (ж., за 60 лет, школьный учитель)³⁵.

Собственные действия части митингующих также сверхнагружены оптимистическими ожиданиями, связанными с их законностью:

³⁴ Так, в знаменитой записи малоизвестного на тот момент блогера, многократно тиражированной (в том числе наиболее известными лидерами мнений) за два дня до массового митинга 10 декабря, автор предупреждает о возможных провокациях, связывая воедино физическое насилие, кровопролитие и призывы к революции:

Уже сейчас некие люди нанимают провокаторов, которые будут провоцировать драки, кричать «Революция» и прочее. Я уверена, что ВСЕМ нам, протестующим, нужны очень простые вещи: в первую очередь, честные выборы. Повторные. Мы их проведем, мы соберем наблюдателей. Мы добьемся регистрации партий – возможно, и сами ее создадим после 10-го. Кровопролитие никому не нужно, так? [...] Мы ВСЕМ покажем, что мы – культурные люди, мы уважаем друг друга (Королева 2011).

Запись собрала 2945 комментариев; согласно данным поисковой системы Google, ее ключевые фразы были воспроизведены не менее 14 тысяч раз.

³⁵ Цитируемые интервью собраны 24 декабря 2011 года в Москве.

Я считаю, что оппозиция должна быть, но бюллетень я бы портить не стала, потому что это противодействующая закону сила (ж., ок. 30 лет, в/о, адвокат).

Свои права методично отстаивать, законно, современными методами, языком современным! (м., ок. 25 лет, в/о).

[Что я могу сделать лично?] Могу сделать все правильно [смеется]. Следовать законом, хорошо относиться к людям вокруг меня. Это каждый из нас может (ж., ок. 25 лет, ср/о, работник сферы IT)³⁶.

По мере развития мобилизации и ее частичной радикализации в контактах с полицией и ОМОНОм можно видеть, что эти предпочтения сохраняются, получая выражение, например, в критике незаконных действий, а порой и в одобрении арестов после насильственного разгона митинга 6 мая³⁷. Схожую диспозицию можно наблюдать в уличных лагерях, где ядро участников озабочено соблюдением формальных требований закона, они самостоятельно следят за тем, чтобы присутствующие не ходили по газонам и не выставляли лозунги. Очевидный прагматический характер такого коллективного самоконтроля – нежелание давать повод полиции для новых задержаний – соединяется с утопическим легализмом некоторых участников, желающих, например, зарегистрировать все общественное движение как одно юридическое лицо или согласовывать в мэрии каждую «оккупай»-ассамблею, что, по их мнению, позволило бы придать ее решениям более весомый статус, а заодно отсеивать провокаторов уже у рамок металлоискателей³⁸.

Рис. 11. Участвовавший в выборах наблюдатель вместо плаката демонстрирует на митинге 6.05.12 сборник свидетельств о нарушениях «Разгневанные наблюдатели»

³⁶ Цитаты – также из интервью 24 декабря 2011 года в Москве.

³⁷ Два интервью 12 июня 2012 года на массовом митинге в Москве. Интервьюируемые, молодые люди около 20 и 30 лет, полагали, что арестованные участники митингов нарушили закон и должны понести наказание.

³⁸ Интервью 2 июня 2012 года после ассамблеи на Чистых Прудах и 3 июня 2012 в уличном лагере на Арбате (Москва).

Отказ от насилия, в целом предсказуемый у обладателей одного или двух университетских дипломов и занятых в нематериальном секторе труда, сверхпредставленных на улице, отчасти игровой и подчеркнута законопослушный характер протеста, обеспеченного массовым участием, отчетливо дистанцируют его от повестки радикальных перемен. Последняя была свойственна массовому общественному движению в СССР конца 1980-х – начала 1990-х годов: тогда демонстрировались не только содержательно отличные ожидания, но и иные формы гнева и надежды. Коллективный самоконтроль и самоцензура первых акций также обеспечиваются исключительно символическими средствами: массивом предваряющих электронных публикаций, демонстративной дистанцией по отношению к левым и правым радикалам, криками «Буу!» в ответ на революционные лозунги на митингах³⁹. Сама их массовость становится структурным эффектом – результатом схождения целой серии ранее не связанных трендов и предрасположенностей (Силаев 2012).

Не будучи в строгом смысле ни согласованными, ни спонтанными, а-революционные уличные акции, не спланированные ни одной из существующих групп или движений, превращаются в места внезапной встречи прежде никогда не взаимодействовавших горожан, чьим лицом (лицами), благодаря численному и символическому преимуществу, предстают сторонники законности и честной стабильности⁴⁰. Неотделимые от такого вовлечения желания: *«просто выйти посмотреть, сколько людей поддерживает одну и ту же точку зрения»* (ж., ок. 25 лет, в/о, научный работник); *«посмотреть, как настроена масса людей, что их привело»* (ж., ок. 70 лет, в/о, политический функционер); *«послушать выступающих, посмотреть сколько народу придет, просто поприусловствовать»* (ж., ок. 25 лет, ср/о, работник сферы ИТ)⁴¹ – лишь подчеркивают характер участия в мобилизации как акта познания, при всей неопределенности ее возможных исходов. В конечном счете скорость сборки митингов и массовая проба себя в критических по содержанию и умеренных по форме коллективных действиях теми, кому до выборов было «абсолютно все равно», позволяют характеризовать этот тип активизма как «внезапный».

³⁹ Здесь следует упомянуть о наличии собственной охранной дружины митингов и уличных лагерей, образованной группами активистов полярной политической чувствительности: антифашистов, либералов, националистов. Порой им приходилось купировать нарушения порядка, которые совершали их же союзники (случаи внутри националистического крыла), или сдерживать символические «прорывы» к сцене (дружина из антифашистов и либеральных активистов против националистического «прорыва» на митинге 24 декабря в Москве). Однако эти напряжения носили локальный характер, мало затрагивая большинство митингующих и обычно даже не попадая в поле их внимания. Показательна самоцензура, которой сопровождался даже удавшийся в итоге «прорыв» националистических групп на сцену митинга 24 декабря: они не стали «захватывать» сцену, просто заняв пространство непосредственно под ней и демонстрируя националистическую символику.

⁴⁰ В противовес коррумпированной «стабильности» – этому ключевому (от лица критиков) определению актуального политического режима в России.

⁴¹ Цитируемые интервью собраны на митинге 24 декабря 2011 года в Москве.

Рис. 12. Демонстрация митингующими своей готовности «стоять до конца», при насильственном разгоне ОМОНам 6.05.2012, Москва

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИЙНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

С самого начала «внезапных» митингов одной из ключевых ставок в определении их характера становится вопрос о репрезентативности: ее социодемографический смысл (число и социальный состав митингующих) на протяжении всех этих месяцев остается неразрывно связан с политическим (какая часть населения протестует и чей именно это протест). Наиболее острое и очевидное выражение этот двойной вопрос получил в теме численности митингов. Как можно видеть по приведенным выше цифрам, число митингующих по официальным данным МВД и по информации, озвучиваемой со сцены митингов, могло различаться пятикратно: классический пример символической борьбы за определение «силы» протеста, прямо связанной с вопросом его представительности. Другим выражением стал пресловутый тезис о «двух Россиях»: «креативной» и «народной» – который не разделил, а скорее объединил ряд журналистов и изданий из условно «оппозиционного» и «официального» секторов СМИ⁴².

Но точкой наиболее ясного медийного консенсуса стали не эти крайности, а социальная характеристика митингующих как «среднего класса». Экспресс-формулы «восстание среднего класса» и «бунт креативного класса» столь же недвусмысленно маркировали протест в социальных координатах, как и определение «митинг оппозиции», переносящее логику борьбы за парламентское представительство на все многообразие участников и смыслов участия в уличных

⁴² См. в этом номере заметку участницы НИИ митингов Анастасии Кальк, которая удачно проясняет некоторые элементы этой медийной конструкции (с. 164–172).

акциях. Опережая любые социологические исследования и публикации опросных агентств, СМИ произвели социальное определение протеста, в поле которого неизбежно оказывались и социологи, рискуя попасть в ловушку этих поспешных толкований.

Рис. 13. Использование митингующими дорожной разметки как полотна для протестных лозунгов, во время митинга и шествия 6.05.2012

Массовая уличная мобилизация, насчитывающая десятки тысяч человек, очень быстро определила фокус медийного внимания. В противоположность расхожему клише, наделившему социальные сети ролью единственного источника информации о митингах, уже на кратком интервале между первой спонтанной демонстрацией вечером 4 декабря (дата парламентских выборов) и согласованным митингом 10 декабря уличные события освещали не только СМИ, традиционно представляющие «оппозиционные» сюжеты, такие как популярная радиостанция «Эхо Москвы», известная критическими публикациями «Новая газета» или сетевые ресурсы «Slon», «Грани» и ряд других. Из обзора СМИ можно заключить, что в число телеканалов, сделавших репортажи о первых митингах в эти несколько дней, наряду с либеральным «Рен ТВ», попали муниципальный телеканал «ТВЦ» и официальный «Россия», а среди газет, чаще прочих упоминавших события, наряду с «Независимой газетой» оказались «желтые» «Комсомольская правда», «Московский комсомолец» и даже официальная «Российская газета» (Интернет-библиотека СМИ Public.ru 2011).

Если оценки событий могли быть полярными на разных телеканалах или в разных изданиях, то атрибуция митингов «среднему классу» перекрывала эти различия, демонстрируя спонтанное согласие среди журналистов и «экспертов». Уже 7 декабря новостной агрегатор «Заголовки» драматически обобщил ряд таких публикаций: «Достали: средний класс вышел на улицы. Власти в шоке и в панике

вводят в Москву войска» (2011)⁴³. Новостное агентство РИА резюмировало в своей ленте: «...С площади возвышает голос средний класс, с трудом отыскивающий в тесноте политической системы хоть какую-нибудь партию, способную выразить его интересы в парламенте» (Богданов и др. 2011). В тот же день портал «Свободная пресса» интригует голосом власти: «Сурков – среднему классу: хватит вопить!» (Полунин 2011). Днем позже сетевая «Газета.ru» приводит суждение крупного бизнесмена: «Сурков не понял, что как-то внезапно (спасибо \$/баррель) родился средний класс. И нас уже не устраивает пакт "Колбаса в обмен на демократию"» (2011).

Среди массовых изданий, которые первыми вводят маркер «средний класс» еще до 10 декабря, и газета «Комсомольская правда»⁴⁴, неоднократно служившая мишенью критики не только из-за ее «желтизны», но и из-за чрезмерной лояльности к правительству. Примечательно, что вынесенное в страничный лид определение⁴⁵ предложено «экспертом» (точнее, журналистом Сергеем Доренко в роли «эксперта»), чьи выступления традиционно носят антиопозиционный и «антиоранжевый» характер. И даже сетевой портал «Православие и мир», собрав мнения нескольких «экспертов», вводит это определение, цитируя одного из них – настоятеля церкви Московского университета: «Я бы не спешил называть вышедших на оппозиционные митинги людей «народом». Один из известных журналистов назвал собравшихся представителями среднего класса. Соглашусь с ним, оставляя за скобками детей (в том числе и студентов), которые мало понимают, что делают» (2011).

Свою роль в утверждении социального состава митингов играют и международные СМИ, в том числе крупные англоязычные издания, часто уже в заголовках приписывающие протест «среднему классу». Переводы нескольких таких статей и транскрипты телерепортажей появляются на посещаемых порталах «ИноСМИ» и «ИноПресса» в тот же или на следующий после оригинальной публикации день: «Московский средний класс часто игнорирует выборы, так как не верит в их честность, но некоторые демонстранты говорили, что впервые за десять с лишним лет сходили и проголосовали» (Коляндра 2011), «На митинг на Болотной вышел средний класс» (Госк 2011)⁴⁶, «Интерес к политике молодых россиян из среднего класса стал для Кремля проблемой» (Уокер 2011), «Поддержанный Путиным российский средний класс выступает против него» (Крамер и Херзенхорн 2011).

В целом, согласно метрике новостей поисковой системы «Яндекс»⁴⁷, за трехмесячный период (с 5 декабря 2011-го по 5 марта 2012 года) в русскоязычных

⁴³ Показательно, что в заголовках исходных статей «средний класс» отсутствует.

⁴⁴ Сертифицированный тираж в IV квартале 2011 года – 2,6 миллиона экземпляров (по данным Бюро тиражного аудита: http://press-abc.ru/reestr_current_2012.xls).

⁴⁵ «Это рождение среднего городского класса, с которым надо разговаривать» (Ворсобин 2011).

⁴⁶ В русском переводе показательно смена заголовка, который в оригинале звучит как «Thousands of democracy campaigners protest in Russia» (Gosk 2011).

⁴⁷ <http://news.yandex.ru/smi>, с 27.09.2011 по 27.03.2012 (по состоянию на 25.06.2012).

СМИ появилось 6284 статьи, где упоминается «средний класс», тогда как в предыдущие три месяца (с 3 сентября по 3 декабря 2011 года) было только 3271 такая публикация⁴⁸. При этом частота упоминаний «среднего класса» в блогах, по данным той же поисковой системы, остается неизменной и неизменно низкой на протяжении всего шестимесячного интервала – на фоне повышенного интереса к «митингу», «выборам» и «революции», пики которого приходятся на большие уличные акции⁴⁹.

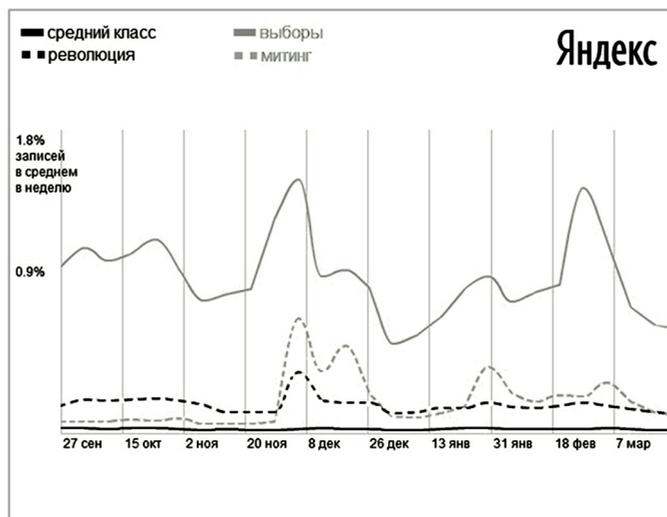

Рис. 14. Оценочные частоты использования в блогах четырех ключевых понятий в течение периода 27.09.2011–27.03.2012, по данным метрики «Яндекс»

Уже тот факт, что «средний класс» не становится темой оживленных дискуссий в блогах (на фоне его медийной сверхпредставленности), косвенно указывает на относительный разрыв этой категории с «внутренними» мотивами мобилизации. В этой связи наибольший интерес приобретает социальное самоопределение митингующих и переживание выхода на улицу в составе так или иначе определенного социального единства. С целью прояснить этот, а также более общий факт социального самоотнесения участников, с начала февраля в гид интервью был введен вопрос: «Относите ли Вы себя к какой-либо социальной группе, слою, классу?». Как следует из ответов, «средний класс» не стал преобладающим спонтанным самоопределением. Несколько респонден-

⁴⁸ Данная метрика не является точным инструментом, в том числе по собственной информации «Яндекса». Однако замер частоты упоминания одного и того же терминологического конструкта в одних и тех же СМИ позволяет по меньшей мере оценить порядок различия.

⁴⁹ В среднем около 0,025% записей в неделю с вхождением «средний класс» против примерно 1,5% записей с «выборами», 0,7% – с «митингом» и 0,4% – с «революцией» в пиковую неделю с 5 по 12 декабря (<http://blogs.yandex.ru/pulse> – данные на 25.06.2012).

тов причислили себя к нему без колебаний⁵⁰, но не связали его со смыслом своего выхода на улицу. Причем к этой категории отнесли себя такие, столь различающиеся по объективному социальному положению, участники митингов, как член правления частного банка, аспирант-гуманитарий, IT-специалист, студент-международник, менеджер по продажам, школьный учитель. Случай социального самоопределения, когда медийный конструкт использовался как собственный, демонстрирует его потенциальный мобилизационный смысл: «[Отношу себя] Ну, к этому самому... это который средний, образованный, креативный» (ж., ок. 50 лет, в/о, частный предприниматель). То есть, не будучи классом эмпирическим, «средний класс» потенциально мог быть обозначением политической общности. Однако этот случай единичен.

Большинство тех, кто использовал данное самоопределение, прибегли к принципиальным, с социологической точки зрения, поправкам и оговоркам, которые свидетельствуют о его эмпирической и вторичной, в силу нечеткости, прагматике: «Я надеюсь себя относить к среднему классу, но у меня, честно говоря, достаточно размытые представления, что это» (м., ок. 25 лет, в/о, PR-менеджер); «Не знаю, средний класс, но это так...» (м., ок. 30 лет, неоконч. в/о, журналист); «Средний класс, наверно» (м., ок. 30 лет, в/о, врач-рентгенолог). Точно так же, как объективные позиции внутри эмпирических классов, скрытые за этим самообозначением, могут варьироваться и критерии самоотнесения. В одних случаях они отсылают скорее к имеющимся материальным, в других – к образовательным и культурным ресурсам:

Знаете, наверно, я все-таки принадлежу к среднему классу. Но к его, как бы сказать, низшей по материальному уровню, по достатку... Не очень обеспеченный средний класс. Я человек с хорошим образованием. У меня есть взгляды, политические взгляды; и есть культурные запросы. Но я живу очень скромной жизнью, у меня нет самостоятельного бизнеса. Я всю жизнь работаю по найму. И я из очень скромной семьи (ж., ок. 60 лет, в/о, менеджер оптовых региональных продаж)⁵¹.

Именно при определении класса через культурную принадлежность прослеживается его более тесная связь со смыслами актуальной мобилизации: «хорошее образование» и «политические взгляды» вступают в конфликт с «неумной властью» (тот же респондент), то есть с системой, которая не просто воплощает коррупцию, но также отрицает образовательную меритократию и уважение к культуре.

⁵⁰ В двух случаях воспользовавшись американскими терминологическими обозначениями: «мидл-мидл-класс» (студентка-гуманитарий) и «аппер мидл-класс» (работник высшего звена частного банка).

⁵¹ Цитируемые интервью собраны на митинге в Москве 4 февраля 2012 года.

Рис. 15. Среди самодельных лозунгов московского митинга 6.05.2012: «Здесь не только средний класс – всем противна эта власть!»

Другими самоопределениями – как релевантными мобилизации, так и не имеющими с ней прямой связи, выступали «люди, которым не все равно», «интеллигенция», «студенты», «сам по себе», «просто человек», «казаки», «политически активный класс», «предприниматель», «гражданин», «просто люди, которым надоел Путин» и ряд иных. Дисперсия самоотнесений и разнообразие их неявных критериев сочетались с трудностями, которые нередко испытывали респонденты при попытке уточнить, какие еще социальные классы, группы имеются в России, помимо названных ими при самоопределении. Все вместе это свидетельствует об эмпирически зыбких и во многом номинальных определениях социальной структуры, которые не стали действующим принципом мобилизации для самих демонстрантов⁵². С продолжением митингов и рутинизацией их медийного освещения от участников можно было слышать суждения о «среднем классе» из метапозиции, как о приписанной извне характеристике: «Говорят, что здесь собирается средний класс...». Причем такую позицию занимали и те, кто соотносил себя с этой категорией, и те, кто отрицал ее, как и любое иное определение своей принадлежности: «Какой может быть социальный класс в стране! Вы что, смеетесь что ли?»

⁵² То, что на митингах и в блогах участники почти не обсуждали спонтанно «средний класс» и, в целом, свою социальную принадлежность, было очевидно для включенных наблюдателей. Однако в более широкой перспективе анализа общественных движений наличие или отсутствие классовых мотивов мобилизации остается одним из основополагающих моментов: находятся ли в центре массовой мобилизации какие-либо социальные категории и оппозиции, служащие основой для ее социального и политического представительства? В некоторой гипотетической перспективе российский протест против нечестных выборов мог стать местом учреждения новой социальной категории/класса как политически мобилизованной общности. Социальные самоотнесения митингующих продемонстрировали неверность этой медийной гипотезы.

[– А какой?] А никакого нет. Они там говорят о каком-то среднем классе. Вообще это выдумки все. Да нету! Есть богатые люди. Кто сумел вовремя [наворовать]» (Москва, 10 марта, м., ок. 70 лет, ср. мед. образ, до пенсии работал психиатром). Как можно заключить из сказанного выше, «они», которые «говорят», что протест принадлежит «среднему классу» – это, конечно, не сами митингующие и даже не представители оппозиции на сцене. В первую очередь это журналисты, которые изначально и солидарно попытались наделить движение однозначным социальным представительством.

Рис. 16. Первые дни работы уличного лагеря #ОккупайАбай, Москва, 09.05.2012

Демонстрацией власти медийных истолкований становится и символическая «миграция» самохарактеристики «средний класс» с протестных митингов на провластные. Наиболее интересными здесь могут быть два примера. Первый – это самоопределение рабочих ручного труда, со средним образованием, которые выражают в этой категории типичность своего социального положения: «[Группа наша] средняя, средняя статистическая [– Можете как-то расшифровать?] Ну... средний человек, среднего класса» (Москва, 23 февраля). Или еще более выразительное переопределение своей принадлежности рабочим прямо по ходу интервью:

Ну как сказать... Я себя отношу к низшему классу, блядь, но... стремлюсь быть выше, и препятствий для этого нет! [...] [– А почему вы так считаете?] Ну потому что я вот от простого рабочего поднялся до мастера. Я могу подняться еще выше! [...]. Просто средний класс... как говорят про нас, средний класс [– Можете расшифровать?] Ну как сказать... это все те, кто просто работает [...]. Я – средний класс, да. Считаю себя средним классом, хотя зарплата у меня ниже среднего класса... Потому что... как написали в газете «Комсомольская правда», вот, средний класс – это те, кто получает [с нажимом] от 38 тысяч рублей. Я этих денег [с нажимом] не получаю. Как говорится, у нас военные приближаются к среднему классу. Мы [с нажимом] не приближаемся к

среднему классу. У нас зарплата от 20 тысяч рублей, хотя многие и этого не получают (Москва, 23 февраля, м., ок. 25 лет, в/о, мастер на заводе).

Другой пример может выглядеть еще более неожиданным, но уже не из-за логики высказывания, а из-за места его произнесения. Молодая пара, обоим ближе к 30 годам (он – юрист в фирме оптовых продаж, она – экономист в частном банке), отнесли себя к «зарождающемуся среднему классу», при этом соглашаясь с антикоррупционными лозунгами протестных митингов. Парадокс в том, что интервью с ними было записано не на протестной акции, а на митинге в честь победы В. Путина на президентских выборах, собранном уже в вечер выборов, 4 марта. Как объяснили респонденты: *«Мы пришли, как бы, посмотреть, как все это проходит, насколько цивилизовано и в рамках ли закона [...]». На Болотную не пошли: на самом деле, побоялись. Потому что первый такой митинг оппозиции был, и поэтому... Если это будет в дальнейшем продолжаться, обязательно пойдем».* Их случай тем более выразителен, что принадлежность к среднему классу они прямо связывают с участием в мобилизации:

[В чем для вас это выражается, принадлежность к среднему классу? –] Ну, прежде всего – как бы, ну вот, по Европе любим тоже очень путешествовать, смотрим, насколько у них это ярко выражено – то есть выражение гражданской позиции: свободно можно выйти, то есть высказать что-то, чтобы... и абсолютно быть уверенным, что тебя не посадит ОМОН в свой пазик и не увезет куда-то. То есть абсолютно свободные вот в этом плане люди.

То, что, в конечном счете, для их собственного участия в уличной акции определяющим становится не ее принадлежность к политическому лагерю, а сам акт выхода на улицу, еще отчетливее проблематизирует роль категории «средний класс» как действующего основания протеста в России после парламентских выборов декабря 2011 года.

Рис. 17. Свидетели на свадьбе пары, познакомившейся на протестных митингах и устроившей празднование в уличном лагере #Баррикады, Москва, 16.05.2012

ПЕРСПЕКТИВЫ АНАЛИЗА ПРОТЕСТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Вопрос, который был главным в момент создания исследовательской группы НИИ митингов: кто и почему вышел на улицу? – постепенно проясняется в соединении социальных свойств митингующих, извлеченных из биографической части интервью, и их суждений об общественном и политическом устройстве. Принимая в расчет модель критического и отчасти активистского исследования, было бы неверно ожидать ответа, следующего критериям статистической репрезентативности или прямолинейно понятого социального представительства. В первую очередь такое исследование разрушает ложные очевидности, заложенные в поспешных медийных интерпретациях или попытках навязать всему разнообразию участников униформные социальные характеристики, взгляды, переживания. Не претендуя на исчерпывающую полноту, интервью в пространстве митингов, которые по ряду вопросов осознанно ведут за пределы их номинальной повестки, обеспечивают доступ не столько к причинам, сколько к смыслам мобилизации, понятым в контексте социoproфессиональных обстоятельств ее участников.

За вариациями возраста, образования, типов занятости, социальной чувствительности можно выявить ряд свойств, которые лучше объясняют присутствие людей на улице, нежели «короткое замыкание» какой-либо одной социальной характеристики на повестку митингов, озвученную самовыдвинутым оргкомитетом и ораторами со сцены. В своем большинстве участники уличных акций – обладатели образования (в том числе приобретенного самостоятельно), для которых оно ценно. Среди респондентов – не только обладатели предсказуемо «гладких» интеллектуальных траекторий: хорошая школа, престижный университет, интеллектуальная профессия, заграничные путешествия, компетентное потребление. Не менее показательно участие обладателей нетривиального культурного опыта: уборщицы, ранее библиотекаря, со средним специальным образованием, которая на протяжении многих лет продолжает самообразование и «обдумывание» благодаря доступу к библиотечным фондам; или рабочего ЖКХ, постоянного читателя «Новой газеты» и слушателя радиостанции «Эхо Москвы». Противопоставление «культурности» протеста «глупости» и «хамству» властвующих, коллективное восхищение «одухотворенными лицами», тезис о роли митингов в «восстановлении человеческого достоинства», как и интеллектуальная сверхнагруженность значительной части самодельных лозунгов, объективирующих скепсис в отношении мира институциональной политики в умеренно субверсивном языке гневной иронии и оптимистического законопослушания, – различные выражения одной и той же диспозиции: утверждения роли образования и интеллекта в «честном» общественном устройстве. Это заставляет вспомнить о немецком городском/буржуазном принципе «Bildung», которому его наиболее последовательные истолкователи, от Артура Шопенгауэра до Томаса Манна, приписывали нехватку собственно политического измерения (Bruford [1975] 2009: 228–230).

Массовые митинги не были связаны ясной социальной повесткой и не произвели нового политического единства, оформленного в социальном (классовом) представительстве. Однако за пределами глобальных и социально неопределенных требований можно обнаружить другой, более фундаментальный мобилизую-

щий признак, объединивший немалую часть интервьюируемых. Это опыт управления собственной жизнью: поиск места на рынке труда, фриланс или предпринимательство, занятие исследованиями и преподаванием, частые поездки за границу и по стране, участие в организации сообществ, чаще виртуальных или сугубо локальных. В ряде случаев собеседники нерегулярно участвовали в благотворительной деятельности и волонтерских проектах, локальных инициативах по обустройству среды своей жизни, а также были наблюдателями на выборах, тем самым инициативно отправляя заботу – один из видов власти над собой и другими. По мере повторения митингов и уличных лагерей все чаще можно было слышать в интервью, что участники возвращаются на улицу, чтобы *«снова встретиться со всеми этими замечательными людьми, которым не все равно»* (Москва, 6 мая, ж., ок. 40 лет, в/о, дизайнер). Такая проекция управления собственной жизнью с уровня профессиональной занятости и тематических локальных инициатив на массовые митинги, а в еще большей степени – на уличные лагеря, ставшие новыми пространствами городской коммуникации и кооперации, послужила условием утверждения протеста вне персонального политического руководства. Формула *«мы пришли сюда не ради вас»*, обращенная участниками самоорганизованных групп к оппозиционным политикам на сцене митингов, отражает как актуальное недоверие к институциональной политике в целом, так и ясную претензию части митингующих на самопредставительство.

Рис. 18. Автономная хозяйственная зона уличного лагеря #ОккупайАбай, Москва, 13.05.2012

Приоритет интеллекта над политикой, личного опыта над институциональным представительством, законности над радикальными переменами сделали вторичным вопрос об игроках парламентского состязания. Поддерживая ту или иную партию или фигуру из официальной оппозиции, участники митингов чаще руководствовались принципом наименьшего зла (*«за кого угодно, кроме "Единой России"», «любой, кроме Путина»*), нежели внимательным изучением программ за-

ранее скомпрометированных кандидатов. В этом смысле политологическая калькуляция электоральных предпочтений в 2011–2012 годах как собственно и ответственного выбора голосующих была бы серьезной методологической ошибкой. Как и сведение смысла всей уличной мобилизации к борьбе за честные выборы. Подобно скрупулезному подсчету голосов, который во многом носил характер проверочной игры или документированного испытания на бесчестность приватизированных чиновниками государственных структур, требования перевыборов и ухода высших государственных лиц объективировали более глубокие ожидания, связывающие выход на улицы с не лишенной утопизма верой в честное общество, честную стабильность и возможность индивидуально управлять собственной жизнью. Дальнейшее описание трансформаций социальной чувствительности в ходе уличной мобилизации, дебанализации «очевидностей» коррупции и произвола, выработки практик индивидуальной и коллективной автономии и обратного переноса опыта массовой мобилизации на уровень локальных (в том числе профессиональных) взаимодействий представляется наиболее перспективным направлением исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бикбов, Александр. 2012а. «НИИ митингов: войны “Болотной” и “Поклонной” не будет». *Slon*, 28 февраля. Просмотрено 23 июня 2012 г. (http://slon.ru/russia/nii_mitingov_voyny_bolotnoy_i_poklonnoy_ne_budet-758125.xhtml).
- Бикбов, Александр. 2012б. «Изучая “внезапный” активизм». Выступление на семинаре «Гражданские митинги и движение наблюдателей: как изучать “внезапный” активизм» Франко-российского центра в ИНИОН РАН, 20 апреля, Москва. Аудиозапись с 0:30 по 50:56. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://a.bikbov.ru/2012/05/mitingi-i-nablyudateli-izuchaya-vnezapnyu-aktivizm>).
- Богданов, Константин, Влад Гринкевич, Мария Селиванова и Ольга Соболевская. 2011. «Тактика партийная и беспартийная». *РИА новости*, 7 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://ria.ru/analytics/20111207/509592785.html>).
- Бочарский, Константин. 2012. «Мы вернулись. Болотная – 2». *Блог в «Живом журнале»*. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://bocharsky.livejournal.com/479467.html>).
- Верховский, Александр. 2012. «Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2011 году». *Информационно-аналитический центр «Сова»*, 29 марта. Просмотрено 26 июня 2012 г. (<http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2012/03/d24014/>).
- Ворсобин, Владимир. 2011. «Сегодня самое время понять: не стоит митинги превращать в баррикады». Интервью с Сергеем Доренко. *Комсомольская правда*, 9 декабря.
- Газета.ru*. 2011. «Олег Тиньков зовет на митинг 10 декабря: через три года не дам и гроша ломаного за этот режим». 8 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (http://www.gazeta.ru/news/blogs/2011/12/08/n_2127466.shtml).
- Госк, Стэфани. 2011. «На митинг на Болотной вышел средний класс». *ИноТВ*, 10 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://inotv.rt.com/2011-12-11/Na-miting-na-Bolotnoj-vishel>). Оригинал: Gosk, Stephanie. 2011. “Thousands of Democracy Campaigners Protest in Russia.” *NBC News – Moscow*, December 10. Retrieved June 24, 2012 (<http://worldnews.nbcnews.com/news/2011/12/10/9343282-thousands-of-democracy-campaigners-protest-in-russia?lite>).
- Демина, Наталья. 2011. «Приехала с митинга...». *Блог в «Живом журнале»*. Просмотрено 23 июня 2012 г. (<http://nataly-demina.livejournal.com/1416095.html>).
- Жермелева, Ольга. 2011. «Оппозиция выдвинула 400 тысяч наблюдателей на выборы в Госдуму 4 декабря». *РБК daily*, 1 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://www.rbcdaily.ru/2011/12/01/focus/562949982179239>).

- Заголовки. 2011. «Достали: средний класс вышел на улицы. Власти в шоке и в панике вводят в Москву войска». 7 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://zagolovki.ru/daytheme/selinaizmenu/07Dec2011>).
- Интернет-библиотека СМИ *Public.Ru*. 2011. «Российские СМИ об акциях протеста». Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://www.public.ru/meeting>).
- Коляндр, Александр. 2011. «Тысячи людей вышли протестовать против выборов в Москве». *Ино-Пресса*, 6 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://www.inopressa.ru/article/06dec2011/wsj/russia6.html>). Оригинал: Kolyandr, Alexander. 2011. "Moscow Election Protest Draws Thousands." *The Wall Street Journal*, December 5. Retrieved June 24, 2012 (<http://blogs.wsj.com/emerging europe/2011/12/05/moscow-election-protest-draws-thousands/>).
- Королева, Полина. 2011. «Всем митингующим». *Блог в «Живом журнале»*. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://lady-spring.livejournal.com/75168.html>).
- Крамер, Эндрю и Дэвид Херзенхорн. 2011. «Поддержанный Путиным российский средний класс выступает против него». *ИноСМИ*, 12 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://www.inosmi.ru/social/20111212/180073748.html>). Оригинал: Kramer, Andrew and David Herszenhorn. 2011. "Boosted by Putin, Russia's Middle Class Turns on Him." *New York Times*, December 11. Retrieved June 24, 2012 (http://www.nytimes.com/2011/12/12/world/europe/huge-moscow-rally-suggests-a-shift-in-public-mood.html?pagewanted=all&_moc.semityn.www).
- Кукулин, Илья. 2011. «От тушения пожаров 2010 к Болотной». Выступление на семинаре «Политический язык Болотной площади: будет ли обновление?» Сахаровского центра, 24 января, Москва. Видеозапись с 17:56 по 31:18. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://gogol.tv/video/275>).
- Майофис, Мария. 2011. «Лозунги на Болотной – манифестация человеческого достоинства». Выступление на семинаре «Политический язык Болотной площади: будет ли обновление?» Сахаровского центра, 24 января, Москва. Видеозапись с 02:03 по 17:55. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://gogol.tv/video/275>).
- Московская солидарность. 2011. «5 декабря в Москве пройдет объединенный митинг против фальсификаций на выборах». Анонс МГО ОДД «Солидарность», 30 ноября. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://www.rusolidarnost-msk.ru/anons/2904-5-dekabrja-moskvamiting-po-itogam-vyborov-chistye-prudy-1900.html>).
- Навальный, Алексей. 2011. «Митинг на Чистых Прудах. Сегодня. 19-00». *Блог в «Живом журнале»*. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://navalny.livejournal.com/656297.html>).
- Независимая исследовательская инициатива. 2012. «Как защитить себя от политических манипуляций». Памятка участникам гражданских митингов, 2 февраля. Просмотрено 24 июня 2012 г. (http://issuu.com/lojso/docs/zashita_ot_politmanipulacii_2).
- Пархоменко, Сергей. 2011. «Два часа до Чистых Прудов». *Блог в «Живом журнале»*. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://cook.livejournal.com/171298.html>).
- Полунин, Андрей. 2011. «Сурков – среднему классу: хватит вопить!» *Свободная пресса*, 7 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://svpressa.ru/society/article/50726>).
- Православие и мир. 2011. «Митинг: за или против?» 8 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://www.pravmir.ru/miting-za-ili-protiv>).
- Рынска, Божена. 2011. «Гнида развездильсь». *Блог в «Живом журнале»*. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://becky-sharpe.livejournal.com/1248081.html>).
- Силаев, Николай. 2012. «Плоды умолчаний». Интервью с Александром Бикбовым. *Эксперт*, 23 апреля. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://expert.ru/expert/2012/16/plodyi-umolchanij/>).
- Уокер, Шон. 2011. «Интерес к политике молодых россиян из среднего класса стал для Кремля проблемой». *ИноСМИ*, 12 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://inosmi.ru/politic/20111212/180084745.html>). Оригинал: Walker, Shaun. 2011. "The Kremlin Has a Big problem as Young, Middle-Class Russians Engage in Politics." *The Independent*, December 12. Retrieved June 24, 2012 (<http://www.independent.co.uk/voices/commentators/shaun-walker-the-kremlin-has-a-big-problem-as-young-middleclass-russians-engage-in-politics-6275796.html>).

- Янкаускас, Константин. 2011. «Митинг 5 декабря: чем можно помочь». *Блог в «Живом журнале»*. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://solidarnost-lj.livejournal.com/1782808.html>).
- Beys, Mathieu and Thomas Mitevov. 2005. "Loi anti-terroriste ou loi de criminalisation de la résistance à l'injustice?" *Contribution au Congrès de l'Association Internationale des Juristes Démocrates à Paris du 7 au 11 juin 2005*. Retrieved June 24, 2012 (<http://www.iadllaw.org/files/loi%20anti%20terroriste%20ou%20loi%20de%20criminalisation%20de%20la%20resistance%20%c3%80%20l%20injustice.pdf>).
- Bikbov, Alexander. 2012. "Does Russia Have a Middle Class?" *Le Monde diplomatique*. Retrieved June 24, 2012 (<http://mondediplo.com/2012/05/13russia>).
- Bruford, Walter H. [1975] 2009. *The German Tradition of Self-Cultivation: "Bildung" from Humboldt to Thomas Mann*. London: Cambridge University Press.
- Clarke, Tony. 2002. "The Recriminalization of Dissent." *Policy Options* 23:49–50.
- Favre, Pierre. 2009. "Manifestation." Pp. 341–348 in *Dictionnaire des mouvements sociaux*, edited by Olivier Fillieule, Lilian Mathieu, and Cécile Péchu. Paris: Presses de Sciences Po.
- Fillieule, Olivier, ed. 1993. *Sociologie de la protestation. Les formes de l'action collective dans la France contemporaine*. Paris: L'Harmattan.
- Gamson, William. 1961. "The Fluoridation Dialogue: Is It an Ideological Conflict?" *The Public Opinion Quarterly* 25(4):526–537.
- Parkin, Frank. 1968. *Middle Class Radicalism: The Social Bases of the British Campaign for Nuclear Disarmament*. Manchester: Manchester University Press.
- Polletta, Francesca. 2002. *Freedom Is an Endless Meeting: Democracy in American Social Movements*. Chicago: University of Chicago Press.
- Thompson, Wayne and John Horton. 1960. "Political Alienation as a Force in Political Action." *Social Forces* 38(3):190–195.